

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ КАНОНИЧЕСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ВИЗАНТИИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ

Принятие христианства от Византии в 988 году приобщило Киевскую Русь к самому центру мировой цивилизации того времени. Духовная и культурная связь с государством, хранившим в своих недрах плоды античной цивилизации, предоставила древнерусскому народу обильный источник знаний и просвещения, в том числе и в области канонического права. Надежным проводником религиозных и светских знаний, а также духовного просвещения стала Русская православная церковь.

Языческие взгляды на право и на природу власти, носившие на себе печать грубости и жестокости, уступили место христианским гуманным правовым принципам. Коренным образом изменилось само понятие о праве и его источниках. По-новому стало определяться значение государственной и религиозной власти. Одним словом, с принятием Русью христианства открылась новая страница в культурной, государственной и религиозной жизни древнерусского народа.

Великий князь Владимир оказывал всевозможное содействие духовенству в религиозно-нравственном воспитании народа. В свою очередь православное духовенство, как замечает известный историк Русской церкви митрополит Макарий, поддерживало великого князя в деле установления нового законодательства в среде вновь крещенного народа¹. Именно духовенство внесло главный вклад в дело создания церковной и светской правовых баз Киевской Руси.

Юное русское государство во многих случаях охотно допускало к участию в своих делах представителей церковной власти, и даже

прямо вовлекало церковную власть в эти дела, будучи не в силах самостоятельно справиться с ними. Это особенно касается сферы законодательства. Еще князь Владимир, по свидетельству летописи, обсуждал с христианскими епископами мероприятия, направленные на борьбу с разбойниками, так как хотел поступать в соответствии с духом новой религии и ее законами². Точно так же и после Владимира русские князья, найдя в принесенной на Русь правовой литературе богатый источник юридических идей, пригодных не только для церковных установлений, но и для гражданского правопорядка, обращались к представителям Церкви за помощью в переработке и применении к условиям русской жизни византийских законов. Князья считали в этом деле церковную власть более компетентной. В этом смысле участие Церкви в делах светского характера на Руси было очень важным, в то время как византийские государственные законы ограничивали ее деятельность чисто религиозными вопросами. Нет сомнения, что все государственные законы Киевской Руси разрабатывались и принимались при непосредственном участии Церкви. В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что письменные законы появились на Руси только после образования Русской православной церкви. Характер древнерусского законодательства проникнут христианским влиянием, особенно в сфере семейного права. Даже основной свод древнерусских законов «Русская правда» испытал на себе влияние Церкви³. Профессор В. О. Ключевский пишет относительно среды, в которой формировался этот сборник гражданских узаконений: «Это была сфера церковной юрисдикции, то есть часть духовенства, пришлого и туземного, которая, сосредотачиваясь около епископских кафедр, под руководством епископов служила ближайшим орудием церковного управления и суда. Никакой другой класс русского общества не обладал тогда необходимыми для такой работы средствами и общеобразовательными, и специально-юридическими»⁴. Далее историк перечисляет те предметы, на которые простиралась юрисдикция Церкви: «Эти вопросы относились большею частью к церковной практике и христианской дисциплине, но касались нередко и чисто юридических предметов: роста лихоимства, церковных наказаний, брака, развода, внебрачного сожительства, крестоцелования как судебного доказательства, служащих больниц, гостиниц, странноприимных домов, наконец, лиц, снявших с себя монашеские обеты»⁵.

Многие выдающиеся историки, юристы и канонисты единодушно свидетельствуют о благотворном влиянии на правовую жизнь Древней Руси византийского законодательства в период полного подчинения Русской церкви Константинопольской Патриархии.

«Множество институтов нашего обычного права, — говорит, например, профессор В. Сергеевич, — существенно изменилось благодаря новым началам, принесенным к нам из Греции, и притом не в тех только вопросах, ведение которых предоставлено было церкви, но и по многим другим... даже взгляд на власть князей существенно изменился под влиянием духовенства»⁶. Такого же мнения придерживается и профессор М. Ф. Владимирский-Буданов. Он прямо заявляет, что принятие христианства из Византии и постоянные контакты с нею произвели «совершеннейший переворот во всех сферах правовой жизни»⁷. Аналогичных взглядов по данному вопросу придерживаются наиболее авторитетные русские канонисты дореволюционной эпохи. Среди них особое место занимают Н. Суворов, протоиерей М. Горчаков, А. Павлов, И. Бердников и другие⁸.

Влияние византийского права на формирование древнерусских государственных и церковных институтов не отрицается и русскими учеными XX века. Так, например, профессор С. В. Юшков в своем исследовании общественно-политического строя Киевского государства пишет: «Благодаря влиянию византийской Церкви, обусловленному главным образом тем, что представители высшего духовенства, как общее правило, были греки, ранее руководствовавшиеся нормами византийского права и приезжавшие на Русь, не зная русского языка и русского права, с течением времени стало проявляться влияние византийского права, хотя рецепция этого права производилась не непосредственно, а через посредство особого памятника болгарского происхождения — «Закона судного людям»⁹.

Русская церковь находилась в канонической зависимости от своей духовной матери — Церкви константинопольской, и потому каноническая часть византийских номоканонов регулировала ее внутреннее устройство и иерархическое управление. В то же время византийское государственное законодательство по делам Церкви не могло быть целиком перенесено на русскую почву. Понадобилась его рецепция со стороны государственных властей и приспособление к конкретной русской действительности. В результате такой национальной переработки византийского государственного права появи-

лись древнерусские княжеские уставы, определявшие юрисдикцию Русской церкви в рамках древнерусского государства.

Положение Церкви в Киевской Руси первоначально определялось правовыми документами как византийского, так и русского происхождения. Источниками византийского права были номоканоны, заключающие в себе священные каноны и государственные законы по делам Церкви.

Сборников церковных законов, бывших в то время в практическом употреблении, было два. Во-первых, «Свод законов» антиохийского адвоката VI в. Иоанна Схоластика, впоследствии патриарха Константинопольского. Это систематический сборник церковных правил, разделявшийся на 50 титул и часто соединявшийся с принадлежащими тому же автору извлечениями из Юстиниановых новелл. Во-вторых, «Номоканон в XIV титулах», в окончательной редакции приписываемый патриарху Фотию¹⁰ и содержащий в первой своей части предметный указатель к церковным и гражданским, касающимся церкви, законам, а во второй — хронологическое собрание канонов в их полном изложении. Тот и другой сборник появились на Руси в готовом славянском переводе. Сборник, или так называемый «Номоканон» Иоанна Схоластика, пришел к нам из Болгарии в переводе, как полагают, самого Мефодия. К «Номоканону» присоединены были выборки из законов Юстиниана и некоторые другие компиляции из различных источников византийского права, сделанные в Болгарии. От болгар же, как показывает язык древнейшего списка, принесен был на Русь и Номоканон, именуемый Фотиевым¹¹.

Законодательство же древнерусского государства по церковным делам существовало в основном в форме княжеских уставов. Именно они и определяли правовое положение Русской церкви на территории Киевской Руси. В качестве ярчайшего примера рецепции канонического уголовно-процессуального права в древнерусских законодательных памятниках рассмотрим устав князя Владимира.

Княжеский устав Владимира представляет собой, с одной стороны, извлечение из греческого Номоканона и входивших в состав его законов Моисеевых, а с другой — опыт русского самостоятельного законодательства, согласного с духом Номоканона. В этом уставе излагается двоякий суд Церкви: суд частный, распространяющийся на одних людей церковных, и суд общий, распространяющийся на всех христиан.

В отношении к людям церковным устав говорит, что они во всех своих делах должны подлежать ведомству и суду только своего духовного начальства — митрополита и епископов и не подчиняться начальству светскому. Этот закон, устанавливающий такое важное преимущество церкви, действительно заимствован из Номоканона — из правил соборных и постановлений греческих императоров¹². Но у нас он отчасти расширен и отчасти изменен. Расширен потому, что к людям церковным, которые освобождаются от подсудности гражданской власти, кроме собственно духовенства, белого и монашествующего, пользовавшегося этим правом издревле, относит «еще лица, принятые Церковью под ее покровительство или получающие от нее содержание, каковы слепец, хромец, лещец, прощенник, задушный человек, сторонник, паломник, также служащие больниц, гостиниц, странноприимниц; подобных норм в византийском законодательстве мы не находим¹³.» Такое расширение закона могло быть обусловлено теми постановлениями, которыми ведомству епископов в Греции были подчинены богоугодные заведения, созданные под покровительством Церкви для содержания больных, престарелых и нищих. Изменение же закона проявилось в том, что по всем делам и тяжбам между людьми церковными и посторонними предписывает учреждать суд общий, т. е. состоящий из судей церковных и светских, кто бы ни был ответчик — лицо духовное или мирянин, тогда как по законам Византии такие дела рассматривались тем начальством, которому подведомственен был ответчик: духовным — если он был духовного звания, светским — если был мирянин. Впрочем, и это изменение могло быть основано на нормах византийского права, по которым, с одной стороны, епископ имел право пересматривать приговоры светских властей по делам, касающимся лиц духовного звания, а с другой — местное гражданское начальство обязывалось утверждать решение епископа по делам между мирянином и духовным лицом, если оба тяжущиеся были довольны этим решением, а если нет, то пересматривать тяжбу вновь.

Определяя круг дел, в которых суду церкви подчиняются не одни уже люди церковные, но и все миряне или все вообще христиане, устав Владимиров перечисляет, в частности:

1) преступления против Веры и Церкви: отправление языческих обрядов, еретичество, волшебство, святотатство, ограбление мертвых тел, введение или внесение в церковь животных без нужды — это согласно с греческим Номоканонем;

2) дела брачные, семейные и связанные с ними преступления против общественной нравственности: вступление в брак в запрещенных степенях родства и свойства, похищение женщин, разводы, блуд, прелюбодеяние, оставление матерью незаконнорожденного ребенка, противоестественные пороки — также согласно с Номоканоном. Но устав Владимиров имеет и здесь свои особенности. Он, во-первых, при перечислении того или другого класса дел, подлежащих суду церковному, указывает на некоторые частные случаи, на некоторые виды преступлений, не упоминаемые в законодательстве византийском: повреждение храмов и могил, неблагопристойная защита мужа женою и нанесение побоев снохою свекрови, хотя в этом случаи только разъясняется содержание закона, а не привносится ничего нового¹⁴. Во-вторых, подчиняет суду церковному некоторые дела, которые по греко-римским законам подлежали рассмотрению в светских судебных органах, в частности, преступления против родительской власти. Оба постановления, несогласные с гражданскими законами Византии, устав Владимиров мог заимствовать из законов Моисеевых, входивших в состав Кормчих, и таким образом остаться согласным с греческим Номоканоном. Наконец, после определения сферы церковной юрисдикции, в уставе Владимира следует: «Князю, и боярам, и судьям их в те суды нельзя вступатися»¹⁵, тогда как в Византии было иначе. Там дела, предоставленные суду Церкви, могли подлежать и гражданскому суду. Церковь судила их с церковной стороны как дела совести, определяла их нравственное значение, налагала за них епитимьи, употребляла и другие свойственные ей меры для вразумления и обращения согрешивших; светская власть могла рассматривать те же самые дела со стороны гражданской как преступления общественные и часто для наказания их и пресечения употребляла свои меры. Можно, впрочем, заключить, что устав Владимиров, вообще не отличающийся совершенством законодательной техники, запрещает гражданским органам вмешиваться в церковное судопроизводство, потому что они должны подчиняться исключительно духовенству.

Таким образом, оказывается, что наибольшую часть уголовно-процессуальных норм церковный устав князя Владимира позаимствовал из греческого Номоканона, хотя, конечно, не исчерпал всего источника, так как ведомству греческой иерархии подчинены были еще некоторые предметы, не упоминаемые в уставе Владимира¹⁶.

И если он утвердил все эти законы, предоставив духовенству в России новые права, каких в Греции оно не имело, то все это сделал согласно с духом Номоканона или на основании законов Моисеевых, входивших в состав Номоканона.

Византийское законодательство, приспособленное к потребностям русской жизни, оказывало на нее самое благоприятное воздействие. Одни из постановлений устава князя Владимира, на примере которого была рассмотрена рецепция уголовно-процессуального права Византии, — против «волхвований, чародеяний, молений под овином, или в роще, или у колодца»¹⁷ прямо направлены на искоренение в России всех остатков язычества и утверждение Православной церкви. Другие нормы, определявшие отношения семейные и преследовавшие преступления против чистоты нравов, которые прежде и не считались преступлениями и тем более не преследовались судом, имели целью преобразить в России институт семьи, а вместе очистить, возвысить и утвердить все общество, весь государственный быт на новых, христианских началах. Третьи, поручавшие покровительству и попечению Церкви больных, нищих, странников, паломников, служили первым началом к учреждению в России богоугодных общественных благотворительных заведений, которые прежде совершенно были неизвестны. Нельзя после этого не удивляться, с какой мудростью в данном правовом памятнике было использовано церковное законодательство Византии. Он с самого начала указывал только что родившемуся государству тот путь, следуя по которому оно могло действовать с наибольшей пользой и для себя, и для достижения своих высоких целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дышма С., протоиерей. Церковь и государство в Киевской Руси // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 6. С. 58.

² Карташев А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 221.

³ Дышма С., протоиерей. Церковь и государство в Киевской Руси // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 6. С. 59.

⁴ Ключевский В. О. Русская история. Курс лекций в 3 кн. М., 1994. С. 280.

⁵ Там же. С. 281.

⁶ Цит. по: Дышма С., протоиерей. Церковь и государство в Киевской Руси // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 6. С. 59.

⁷ Цит. по: Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Цыпин В. А. Церковное право: 2-е изд. М., 1996. С. 81.

¹¹ Карташев А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 192.

¹² Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви в период ее зависимости от Константинопольского патриарха (998-1240). М., 1995. С. 95.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 96.

¹⁵ Цит. по: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви в период ее зависимости от Константинопольского патриарха (998-1240). М., 1995. С. 96.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же. С. 97.